

Гибель группы Дятлова в литературной мифологии и искусстве: от героизации – к профанации трагедии*

Ольга Турышева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Demise of the Dyatlov Group in Literary Mythology and Art: From Heroisation to Profanation of the Tragedy

Olga Turysheva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article reviews the artistic adaptation of the tragedy which took place in the North Ural Mountains in 1959 involving the demise of Igor Dyatlov's group of hikers. The author refers to eight works of art, including novels, stories, TV shows, and films, released between 1966 and 2020. This study is relevant as it reflects the need to analyse the reaction of art to a landmark event. No earlier attempts to analyse the works of art in question have been made. The author argues that Dyatlov's Pass is acquiring the status of a myth in artistic culture. The analysis is conducted chronologically in accordance with the release of the works of art. Without exception and for every text, the author analyses the content of the version of the tragedy and the peculiarity of its representation to reveal the work's aspiration to credibility and the message that seeks to create a perceptual response from the audience. The author reveals genre, content, and perception tendencies in the adaptation of the Ural myth. The way in which a work of art represents the event depends on the needs of the audience at a particular time in history. The author maintains that all the adaptations are meant for a mass audience. She also reconstructs the history of the function of the Dyatlov myth in popular literature over half a century. It is concluded that the artistic versions of the Dyatlov plot replace each other in accordance with a certain logic. Thus,

* *Citation:* Turysheva, O. (2022). The Demise of the Dyatlov Group in Literary Mythology and Art: From Heroisation to Profanation of the Tragedy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 612–628. DOI 10.15826/qr.2022.2.691.

Цитирование: Turysheva O. The Demise of the Dyatlov Group in Literary Mythology and Art: From Heroisation to Profanation of the Tragedy // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 612–628. DOI 10.15826/qr.2022.2.691 / Турышева О. Гибель группы Дятлова в литературной мифологии и искусстве: от героизации – к профанации трагедии // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 612–628. DOI 10.15826/qr.2022.2.691.

the interpretation that is tragic and heroising and claims to be authentic is replaced by its opposite, i. e., one that is de-heroising. This in turn is replaced by the tragic concept of the doom of the human being in the face of irresistible forces, both natural and man-made: such is followed by ironic meta-reflection and commercial trash that turns tragedy into farce. At the current moment, the artistic development of this plot has a tragic heroic interpretation. It is proved that the logic of the changing trends of processing of the Ural myth is determined by the needs of a particular moment. In the 1960s, mass culture was driven by the goal of neutralising social tension in the face of the inexplicable. In the early 2000s, this culture was driven by expressing a fear of military and technological disasters and the strange manifestations of traumatised psyches. In the 2010s, the main factors behind mass culture were distrust in governments and intelligence agencies, as well as fear of the inexplicable mysteries of the universe: this has become, among other things, the basis of outright commercial speculation. The beginning of the new decade is once again marked by an attempt to calm public consciousness by means of a natural version that moves away from the conspiracy and man-made versions.

Keywords: Soviet myth, literary myth, mass culture, Dyatlov group

Художественное освоение трагедии, связанной с гибелью группы Игоря Дятлова в горах Северного Урала в 1959 г., описывается на основе восьми произведений: это романы, повести, кино- и телефильмы, вышедшие в свет с 1966 по 2020 г. Дятловский поход в художественной культуре обретает мифологический статус. Анализ художественных версий о гибели дятловцев предпринимается в соответствии с хронологией их создания. Рассматриваются содержание версии, субъектная специфика ее представления в тексте (для выявления степени претензии версии на достоверность и вектора работы с мифом), а также пафос, который формирует соответствующий рецептивный отклик. В ходе анализа были выявлены жанровые, содержательные и связанные с характером воздействия на читателя тенденции в обработке уральского мифа. Все существующие обработки сюжета принадлежат к продукции, ориентированной на массового реципиента, характер презентации события объясняется потребностями аудитории в рамках конкретного исторического момента. Реконструируются история и логика функционирования дятловского мифа в массовой литературе на протяжении полувека. Трагико-героизирующая и претендующая на достоверность трактовка сменяется противоположной – сказочно-дегероизирующей. На смену ей приходит трагическая концепция об обреченности человека перед лицом непреодолимых сил – как природных, так и техногенных; следом – ироническая метарефлексия и коммерческий трэш, превращающий трагедию в фарс; на данный момент наблюдается возобновление трагико-героизирующей тональности. В 1960-е гг. масскультом движет цель нейтрализации общественного напряжения перед лицом необъяснимого, в начале 2000-х – выражения страха перед военно-техническими катастрофами и странными проявлениями травмированной психики, в 10-е гг. XXI в. – недоверия к правительствам и спец-

службам и, с другой стороны, тревога перед необъяснимыми тайнами мироздания, ставшими в том числе основой откровенных коммерческих спекуляций. Начало нового десятилетия отмечено попыткой успокоить общественное сознание «природной» версией – при отмене других версий.

Ключевые слова: советский миф, литературный миф, поход группы Дятлова, маскультура

Гибель группы Игоря Дятлова в горах Северного Урала (1959) породила не только огромное количество документальных версий, призванных установить подлинные причины трагедии в опоре на факты, но и массив художественных гипотез произошедшего. Интенсивность образного осмысления трагического события объясняется обретением им мифологического статуса: литература и кинематограф постоянно к нему возвращаются, формируя версии в соответствии с запросом современной массовой аудитории. Одни из них предлагают имитацию аналитического расследования причин, другие исходят из потребности отдать дань памяти молодым людям, погибшим чудовищной смертью. Но есть такие версии, которые представляют собой откровенную спекуляцию на теме, развлекая аудиторию страшной сказкой, сотканной из актуальных фобий своего времени.

Семиотика дятловского мифа уже была предметом научного интереса, но в качестве мифотворческого материала исследовалась не художественная, а научно-популярная и публицистическая литература, а также деятельность сообщества, сложившегося вокруг загадки дятловского похода [Лебедев, Прилуцкий]. Авторы данной работы описывают дятловский миф в качестве феномена гражданской религии, семантическим ядром которой являются героизация участников похода и идеализация советского времени. Обращение к художественному дискурсу о событиях 1959 г. выявляет не только конструирование ностальгического мифа, но и его намеренное разрушение, а также его коммерческую деформацию.

Первая литературная презентация мифа о дятловском походе принадлежит перу уральского журналиста, писателя и краеведа *Юрия Курочкина* (1913–1994) в повести *Легенда о Золотой Бабе* (1963) [Курочкин]. Конкретные детали похода в повести трудноразличимы, что, видимо, связано с первоначальной засекреченностью дела о гибели группы Дятлова. Созданию мифа служит безусловная героизация участников похода. Дятловцы (в повести – лебедевцы, руководитель похода носит имя Тимофей Лебедев) погибают в результате резкого похолодания, покидая охотничью избушку каждый ради спасения другого. Сначала уходит Лебедев, узнав, что на поиски мансийского идола Золотой Бабы в одиночку отправился одержимый славой Ярослав Мальцев, не знающий об охране мансийцами священного места. Лебедев надеется предотвратить восхождение Ярослава на опасную гору. За Лебедевым, узнав о приближении ледяного бурана,

отправляются его товарищи. Последней избушку покидает возлюбленная Лебедева Фая, обнаружив, что ее друзья взяли неисправный компас. Погибают все, кроме вино-вника трагедии.

Ю. Курочкин, героизируя дятловцев, противопоставляет их самоотверженность и дружбу «первооткрывателю-одиночке», которым движет высокомерное тщеславие.

Если Ярослав Мальцев «охотится за славой» и стремится произвести впечатление на других, то Лебедев отправляется в предгорье Шаманихи в надежде найти шурф горного хрусталя, необходимого в радиотехническом производстве.

Устремления Лебедева противостоят целям мошенника и преступника Натана Лабковского: тот отправляется на Северный Урал в надежде найти капище, в котором за несколько веков поклонения идолу якобы скопились невиданные богатства. Его история заканчивается жалким фиаско: за преступления, совершенные в погоне за золотом, он расплачивается потерей рассудка.

Помимо притчевой логики, бинарности в системе персонажей, героизации гибели героев, повесть Курочкина отличает отказ от какой-либо таинственности в изображении события. При том, что гибель дятловцев лишена загадочности и в подробностях объяснена, нарративный рисунок повести достаточно сложен. Повествование носит нелинейный характер, читателю предлагается самостоятельно восстановить последовательность событий и связать единой логикой разрозненные факты. Через использование сложного герменевтического кода и переакцентировку внимания реципиента со смысла тайны гибели туристов на разгадку сложного хитросплетения сюжетных линий Курочкину удается нейтрализовать обрушившееся на общество переживание ужаса, боли и необъяснимости того, что произошло с дятловцами в действительности. Субъектная организация повести нацелена на создание эффекта достоверности: она состоит из нескольких глав, каждая из которых представляет собой дневник одного из героев истории.

Автор следующей литературной версии – уральский журналист, писатель и участник поисковой операции 1959 г. Юрий Яровой (1932–1980) – поддерживает мифологический вектор в осмыслении события. В его повести *Высшей категории сложности* (1966) изменены

Игорь Дятлов в походе на Приполярный Урал (январь 1958 г.). Фото из материалов дела группы Дятлова, размещенное на сайте *Dyatlov Pass*

Igor Dyatlov on a hike to the Subpolar Urals (January 1958). Photograph from the materials of the case of the Dyatlov group on the *Dyatlov Pass* website

имена туристов, их число, место и время трагедии (в названии горы Рауп воспроизводится позывной поисковой группы, время события перенесено на 1962 г.), однако множество самых разных деталей свидетельствуют о том, что речь идет о походе Дятлова [Яровой].

Повесть Яровой имела ту же цель, что и повесть Курочкина, – понизить общественную тревогу, возникшую на почве необъяснимости обстоятельств гибели студентов УПИ. Журналист так же, как и его предшественник, предлагает сугубо материалистическую версию события: одна из девушек (Неля Васенина, прототипом которой является Зина Колмогорова) в странном нервическом порыве вышла из палатки, была сбита с ног ураганом, закричала, ей на помощь выскочили ее товарищи, которые тут же были разбросаны шквалом по каменистому склону и не смогли вернуться из-за травм и встречного ледяного ветра. В результате руководитель похода, носящий в повести имя Глеб Сосновский, приказал группе двигаться в сторону охотничьего зимовья, а сам предпринял попытку достать из палатки аптечку, чтобы потом нагнать товарищей на лыжах, но замерз под порывами ветра.

Достоверность выдвинутой версии поддерживается субъектной организацией повести, выстроенной от имени журналиста, участвующего в поисковой операции. В описание трудностей расследования рассказчик вставляет разговоры с прокурором, как бы протоколируя совместный поиск объясняющей версии. Повествование о расследовании чередуется с выдержками из дневников сосновцев и протоколов допроса выживших. Таким образом, самим участникам похода в повести предоставлена возможность рассказать о произошедшем. Яровой моделирует еще один документ – письмо Нели прокурору г. Кожары (имеется в виду г. Ивдель), в котором она кается в своей невольной вине. Кажется, что автор использовал все возможные приемы, поддерживающие убедительность его художественной версии, нацеленной на ослабление эмоционального напряжения от неизвестности обстоятельств гибели группы.

Эта «манипуляция» находит в повести нравственную компенсацию в героизации образа Сосновского, но, в отличие от безусловного героизирующего пафоса Курочкина, идеализация руководителя похода здесь становится предметом моральной рефлексии. На протяжении всего повествования журналист-рассказчик спорит с прокурором о вине Сосновского. Он также опровергает прокурорскую версию о ссоре, произошедшей в палатке, компрометирующую дятловцев, и настаивает, что Сосновский погиб героической смертью, самоотверженно спасая своих товарищей. В ответ на обвинительный приговор, посмертно вынесенный Сосновскому (не обеспечил дисциплину, оставил группу, обманув ее о своих намерениях, допустил неоправданный риск), рассказчик сравнивает Сосновского с Данко, предоставляя читателю право окончательного решения о степени ответственности руководителя. Отдав дань памяти дятловцам, Яровой все-таки преодолевает однозначную их героизацию. Христоподобие дятловцев, которое у Курочкина было

неопровержимой данностью, у Ярового превращается в предмет размышления об оправданности жертвы. Дидактическая задача такой рефлексии сообщается читателю в финале повести: предупредить возможную неосмотрительность последующих туристов, предостеречь их от необдуманных поступков.

Первая художественная интерпретация драматического сюжета гибели усилиями этих литераторов обретает мифологический статус: преследуя объяснительную цель, она предлагает героизирующую концепцию поведения советского человека в тяжелейших обстоятельствах. Вероятнее всего, своей терапевтической цели в отношении современников трагедии этот миф достиг: предложенная модель оказалась вполне удовлетворяющей тому, чтобы позволить литературе не обращаться к «дятловскому» сюжету на протяжении последующих 35 лет – до начала нового века.

Следующая версия принадлежит перу екатеринбургской писательницы *Анны Матвеевой* (род. 1972), автору романа *Перевал Дятлова* [Матвеева]. А. Матвеева подчиняет повествование поиску причин произошедшего, преодолевая и героизирующий пафос советского мифа о дятловцах, и его прагматику, которая связана с нейтрализацией тревоги у современников трагедии. Ее роман, наоборот, содержит интенцию обострения у читателя ужаса и боли. В разработке дятловского сюжета Матвеева предлагает совершенно новый мотив – мотив ответственности автора перед лицом той трагедии, которую он выбирает для художественного осмысления. В жанровом плане «Перевал Дятлова» – метароман, в нем от первого лица рассказывается о работе писательницы над его созданием. Причем замысел художественного расследования гибели туристов, как он описывается в романе, возникает на почве мистической апелляции самих дятловцев к автору: они приходят к дверям квартиры писательницы, как бы утверждая свое право на требование расследования. Компьютер героини самостоятельно начинает это расследование: без ее участия и к ее большому удивлению, он сам создает начало романа и его финал, корректируя выработанную ей версию до максимально достоверной. Автор, таким образом, оказывается избранником самих дятловцев, и следует признать в этом художественном приеме А. Матвеевой ее согласие на ответственный поиск причин произошедшего. Кроме дятловцев, автор оказывается избранником и тех, кто ведет расследование их гибели. Это студентка исторического факультета Света, обладательница важных документов, которая ищет писателя, способного создать достоверное повествование и встреча автора с которой была мистически запрограммирована судьбой. Также к расследованию изображенную писательницу призывает ее сосед, однокурсник Дятлова, завещавший ей все собранные в течение жизни документы, имеющие отношение к трагедии.

Мистическая составляющая сопровождает только выбор «нужного» автора и его призывание к работе над дятловским сюжетом. Сама деятельность писателя описана как расследование причин трагедии

в строгой опоре на документы (смоделированные автором и копии из архивного дела Дятлова, которые публикуются в романе). А. Матвеева выделяет подлинные документальные свидетельства графически, что позволяет читателю, заинтересованному только в фактической стороне дела, игнорировать художественный дискурс. В предисловии к роману ему предлагается выбрать свой способ рецепции: читать роман в полной версии, в которой история авторского расследования приправлена мистическим и любовным элементами, или сосредоточиться только на изучении документов. Таким образом, роман Анны Матвеевой демонстрирует уважение не только к жертвам трагедии, но и к читателю, адресату романа.

В отношении выдвигаемой версии гибели группы Анна Матвеева строго следует научно-документальной стратегии. Совместными усилиями герои приходят к концепции техногенной катастрофы во время военных испытаний. В разработку мифа Матвеева вводит намерение подчинить вымысел поиску подлинных причин трагедии. Предшествующая художественная героизация образа дятловцев здесь уступает место интенции объективного расследования.

Однако новая разработка дятловского сюжета привела к отмене ответственного расследования и презумпции сострадания жертвам трагедии. В романе екатеринбургской писательницы и психолога *Анны Кирьяновой* (род. 1969) *Охота Сорни-най* (2005) предпринимается радикальное переосмысление дятловского мифа, который впервые получает мистическое измерение и странную девальвирующую тональность [Кирьянова].

Сложно объяснить предпринятое Кирьяновой этическое обесценивание образов дятловцев, однако сама разрушающая миф тенденция в их изображении не вызывает сомнения. В системе персонажей нет ни одного героя, выведенного с симпатией, сочувствие вызывает только один персонаж – молодой врач Женя Меерсон, самоотверженный и преданный своему делу и друзьям, но лишенный здравого и спокойного взгляда на вещи в силу посттравматического синдрома (в детстве был узником нацистского концлагеря). Все остальные участники похода изображены в почти уничижительной, если не сказать оскорбительной тональности. Дятлов (фамилия руководителя похода оставлена, изменено только его имя) в изображении Кирьяновой патологически тщеславен: в обмен на обещанную должность заместителя декана он становится осведомителем КГБ. Другие участники похода – вор-клептоман, ждущий удобного момента обчистить рюкзаки своих товарищей и мечтающий расстрелять их, чтобы удовлетворить свою потребность во власти; убийца ненавистных соседей, причастных к разрушению его семьи; палач на службе КГБ, внедренный в группу ради исследования огненных шаров, в которых правительство подозревает результат американских военных испытаний; фарцовщик, надеющийся жениться на сокурснице ради прописки в квартире ее родителей; трус, разыгравший болезнь и отсидевшийся

в избушке одинокой манси. Из двух девушек одна – глупая и бесхарактерная красавица, другая – патологически завистливая дурнушка, втайне желающая подруге всяческого зла.

Складывается представление, что Кирьянова моделирует образы героев, преследуя цель этически оправдать их гибель. Причем образы дятловцев у Кирьяновой рифмуются с образом всей страны, для чего писательница подробно восстанавливает характеры и истории всех, кого туристы встречают в походе. Это спившийся манси, отвратительная продавщица в магазине Ивделя, торгующая водкой в обмен на шкуры соболей, замученная жизнью проводница в поезде и другие. Кирьянова таким образом рисует образ страны – нищей, злой, неразумной, страшной в своей злобе и неустроенности, то есть, по ее мысли, как представляется, достойной уничтожения со стороны оскорбленной природы. По версии Кирьяновой, дятловцев убивает богиня манси Сорни-най: она наказывает их за вторжение на свою территорию, бомбардируя огненными шарами.

Писательница колеблется в определении жанра своего романа, называя его то «романом о психологии», то мистическим романом [Тайны «Перевала Дятлова»]. Оба определения мало соответствуют жанровой специфике произведения: характеры одномерны, стереотипны и даже гротескны, мистическая составляющая, присутствующая в нарративе, необходимого для триллера рецептивного эффекта не вызывает. В жанровом плане роман Кирьяновой ближе всего к сказочному повествованию о нарушении запрета и наказании нарушителей. Мотив мести богини является универсальным в современной этнографической прозе о вогульских верованиях, связанной с судьбой «малых» народов [Мароши; Куликова].

Таким образом, Кирьянова ломает контуры мифа, изначально складывающегося вокруг дятловской истории, лишая его героического, трагического, сочувственного и материалистического измерения. Столь радикальная ломка мифа в романе А. Кирьяновой не в последнюю очередь поспособствовала тому, что во втором десятилетии XXI в. маскульт разразился целым фейерверком новых и самых разных версий. Начнем их обзор с книги тюменского писателя *Олега Архипова* (род. 1972) *Смерть под грифом секретно* (2012) [Архипов].

О. Архипов возвращает писательскую стратегию А. Матвеевой – стратегию поиска причин трагедии в опоре на документы и факты. Авторская номинация жанра – документальное исследование, «бесстрастное и непредвзятое... изучение мельчайших подробностей... трагедии» [Архипов, с. 7]. При этом исследование «честного литератора», как называет себя автор, сочетает в себе размышления над документами и версиями с художественным моделированием событий. Со всей очевидностью эта стратегия обнажает себя в главе, где О. Архипов предлагает описание событий роковой ночи, выполненное в глубоко сострадательной тональности. В соответствии с фантастической версией Ю. Архипова, туристов убила некая паранормальная

необъяснимая сила – светящийся шар, преследовавший дятловцев и наносивший по ним лучевые удары. Архипов не связывает эту силу с инопланетной агрессией, трактуя ее как неизвестное природное явление, между тем обладающее разумом, так как она «действовала сознательно и целенаправленно», ориентируясь в выборе поражающей цели на человеческий взгляд. «Жуткое психофизическое воздействие» и «энергетическая волна Объекта» и стали причинами гибели дятловцев.

В том же 2012 г. выходит другая научно-фантастическая версия – роман британского писателя Алана Бейкера (род. 1964) *Перевал Дятлова* [Бейкер]. Нарратив романа целиком сосредоточен на расследовании трагедии 1959 г. Это первый текст, в котором образы дятловцев и описание их похода отсутствуют. Действие разворачивается в начале XXI в. Роман написан от первого лица: субъектом повествования является психиатр первоуральской больницы, который получает задание от следственных органов дать психиатрическое заключение о состоянии журналиста Виктора Стругацкого, подозреваемого в убийстве своих товарищей, вместе с которыми он отправился в поход по следам дятловской группы. Записки психиатра чередуются с рассказами Виктора, которые передаются в романе от третьего лица, в нарратив включены допросы Виктора следователем Комаром. Единственное реальное лицо, выведенное в романе, – Юрий Юдин: Бейкер моделирует беседу с ним Виктора накануне собственного похода. Все остальные герои, которым приписана причастность к расследованию дела, вымышлены, также выдуманы найденные на месте гибели артефакты и изображения на фотографиях, якобы сделанных дятловцами.

Версия гибели дятловцев излагается Виктором опосредованно – через описание того, что произошло с его собственной группой в аномальной зоне в районе горы Холатчахль. А произошла встреча с порталами, которые созданы инопланетным разумом. Порталы (в романе – «инсталляции») путешествуют по вселенным и периодически посещают Землю. Эффектами, связанными с работой этих порталов, А. Бейкер объясняет все известные необъяснимые явления, среди которых такие аномалии, как Бермудский треугольник, Тунгусский метеорит, таосский гул и др. Однако непосредственной причиной гибели как группы Дятлова, так и группы В. Стругацкого стали действия секретных служб. Созданный ими проект «Сварог» не только охраняет от общественности тайну внеземного присутствия в горах Северного Урала, но и занимается строительством гигантского убежища в горе Ямантау, которое смогло бы обеспечить российскому правительству и его приближенным спасение в случае внеземного вторжения. Так научно-фантастическая версия сочетается в английском романе с конспирологической версией, впервые связавшей трагедию с деятельностью российских спецслужб.

В следующем произведении, разрабатывающем конспирологическую гипотезу, гибель дятловцев объясняется деятельностью амери-

канских спецслужб. Это версия *Бориса Акунина*, созданная им совместно с подписчиками его блога и впоследствии воплощенная в книге *Самая таинственная тайна* (глава «По следам группы Дятлова», 2013) [Акунин]. Согласно этой версии, американский суперагент, заброшенный на перевал для взятия проб воздуха и призванный доказать, что Советский Союз ведет подземные испытания ядерного оружия, обнаружил туристов и спровоцировал лавину, чтобы ликвидировать свидетелей. Акунинская версия заканчивается описанием моральных терзаний спецагента, кающегося в вине за гибель молодых ребят.

Новой является не только выдвинутая художественная версия, но и стратегия ее создания. В 2012 г. Акунин предложил читателям своего блога «интеллектуальный фитнес»: выбрать «самую таинственную загадку XX века» и поучаствовать в ее разгадке на поле художественного вымысла. Почти 50 % акунинской аудитории выбрали тайну гибели группы Дятлова. Подразумевая девять версий, Акунин провоцирует аудиторию на отсев восьми. А оставшуюся – «консенсусную» – оформляет в нарратив. Объясняя «механику выбора сюжетной линии коллективного повествования», Акунин пишет, что коллегиально выработанная шпионская версия, изложенная выше, не была для него притягательна. Поэтому он «пробовал манипулировать голосованием», чтобы склонить аудиторию к версии с инопланетным вторжением, однако подписчики акунинского блога остались непоколебимы. По сути, Акунин предпринял мониторинг массовых предпочтений в разработке дятловского сюжета, доказав склонность массового читателя к конспирологической разгадке (в его опросе участвовало порядка 5 тыс. чел.). Завершая проект, Акунин излагает собственную версию, которая интересна ему как писателю. В соответствии с ней лавину, нанесшую травмы дятловцам, спровоцировал инопланетный корабль, который приземлился на склон горы Холатчахль. Однако вземные существа проявили удивительную ответственность и предложили туристам переместиться на их планету для регенерации их поврежденных тел. Так как для осуществления регенерации им необходимы образцы человеческих тканей, Люда Дубинина с веселым удовольствием жертвует инопланетянам свой язык.

Акунин начинал свой проект с замечания о том, что прикосновение к истории дятловцев требует от автора особых нравственных обязательств. Однако кажется, что игровые возможности сюжета начинают конфликтовать с обозначенной моральной позицией, вызвав его ироническое завершение. Ирония, скорее всего, имеет своим предметом саму вземную версию, неоднократно выдвигавшуюся поисковиками, хотя и конспирологическая версия в исполнении Акунина тоже иронична. Представляется, что Акунин предлагает ироническую мета-рефлексию – рефлексию над рефлексией о гибели дятловцев.

Американский ответ на акунинскую конспирологию последовал мгновенно, но скорее всего он не был непосредственной реакцией на проект Акунина. Хотя совсем исключать такую зависимость нель-

зя, так как голливудский кинофильм *Тайна перевала Дятлова* (2013) является совместным российско-американским проектом, инициатором которого стали продюсеры Александр Роднянский и Сергей Мелькумов [Тайна перевала Дятлова]. Поставил фильм финский режиссер Рени Харлин – создатель многочисленных хорроров (самый известный – одна из серий «Кошмара на улице вязов» 1990 г.) и неоднократный победитель американской премии «Золотая малина» в номинации «Худший режиссер».

Киноповествование, как и в британском романе А. Бейкера, целиком сосредоточено на описании расследования дела Дятлова. Инициатор расследования – американская студентка, которая пишет курсовую работу о тайне гибели дятловцев и с благословения своего научного руководителя отправляется в поход на Северный Урал, собрав команду из пяти человек. Поход представлен как развлекательное мероприятие. На перевале Дятлова американские студенты обнаруживают бункер, но путешествие по нему предпринимают только двое: остальные оказываются или убиты его охранниками, в которых с очевидностью подразумеваются представители российских спецслужб, или растерзаны чудовищными мутантами, населяющими бункер. Мутанты – продукт военных опытов по телепортации людей. В них же и превращаются американские студенты, предприняв попытку войти в телепортационный туннель. Их обезображенные тела перемещаются в 1959 г. (очевидно, год начала советских экспериментов по телепортации), где занимают свое место среди других монстров радиоактивного подземелья. Хотя о гибели дятловцев не говорится ни слова, ее причину зрителю восстановить несложно: в концепции фильма они стали жертвами советских военных, так как слишком близко подошли к засекреченному бункеру.

Американский фильм не вызвал интереса у российской публики. Кинокритики справедливо причислили его к трэш-арту, обвинив его создателей в безответственности, вульгарности, заштампованности и неуважении к трагедии [Гагарина]. Впрочем, замыслом Рени Харлина очевидно руководила не интенция художественного освоения трагического сюжета, а реализация его мощного коммерческого потенциала.

В следующем 2014 г. к «монстрогенной» разработке дятловского мифа подключился *Discovery Channel*, выпустив сюжет *Русский йети: убийца жив* [Перевал Дятлова: гипотеза о йети]. Фильм выдержан в псевдодокументальном жанре: демонстрация документов из дела Дятлова и интервью с реальными криптозоологами сочетаются в фильме с их крайне тенденциозной подачей в угоду изначально выбранной версии о снежном человеке. Так, фотография с Тибо-Бриньолем, сделанная предположительно Зиной Колмогоровой, выдается за фотографию йети, преследовавшего туристов. Следствие на глазах зрителя ведут американский путешественник Майк Либецки и его русская переводчица Мария Кленокова, которые не только опрашивают свидетелей, но и рассказывают о собственной встрече

с йети (и не где-нибудь, а на перевале Дятлова), тем не менее, не сумев запечатлеть эту встречу на камеру.

Подтасовка фактов, нелепые заверения в «стопроцентной доказательности» фальшивых свидетельств, напыщенная серьезность, с которой выстраивается повествование о поисках, – отличительные черты жанра мокьюментари, к которому следует отнести фильм *Русский йети* – в силу того, что в нем издевательски разыгрывается документализм в очевидно коммерческих целях. Подобное откровенно коммерческое использование дятловского сюжета находим в романе современной рижской писательницы *Инны Балтийской* «Призрак с горы мертвецов» (2016) [Балтийская]. В этом романе трагедия, произошедшая с группой Дятлова, подвергается коммерческой «реанимации» с помощью одного из самых популярных ходов детективной литературы – расследования дела о серийном маньяке, убивающем женщин на протяжении десятилетий. Действие перенесено в 1987 г., имена героев изменены.

Главным виновником гибели «щегловцев», как дятловцы именуются в романе, является один из них – Эдуард, вор и мошенник, который отправляется в поход, чтобы встретиться на перевале с охранниками горных приисков и выкупить у них ворованные изумруды. Но так как щегловцы стали нечаянными свидетелями сделки, бандиты их убивают – в соответствии с чудовищным планом, тут же придуманным Эдуардом.

Благодаря новым документам, сфальсифицированным для него бандитами, Эдуард в другом городе получает юридическое образование и через много лет в звании капитана возвращается на родину, будучи назначенным следователем по делу о серийном удушении женщин. Однако он тут же использует почерк маньяка, задушив выжившую участницу похода, узнавшую его и через много лет. Имитируя следствие, Эдуард начинает встречаться с Ларисой Михеевой, сестрой своей бывшей возлюбленной, погубленной им в походе. В финале Лариса понимает, что Эдуард – убийца (и в том числе ее сестры), но симпатию к нему она преодолеть не может, разочарованно отказываясь и от союза с ним, и от разоблачения его преступлений.

Таким образом, И. Балтийская, возложив вину за гибель дятловцев на одного из них, позволяет тому избежать всякого наказания и предоставляет ему право на дальнейшую благополучную жизнь. Прощаясь с Ларисой, он обещает организовать тайную встречу, намекая на предложение, от которого та не сможет отказаться. И Лариса, от имени которой излагались события в части повествования, посвященной расследованию убийств женщин, в финале торжественно клянется своей погубленной Эдуардом сестре прожить за нее счастливую жизнь – с ее убийцей (!!).

Такой финал вызывает этическое недоразумение. Впрочем, и щегловцы изображены без какого-либо сочувствия и уважения (повествование о дятловцах выстроено от лица всезнающего автора):

из девушек одна красива и глупа, другая некрасива и завистлива. Щеглов мечтает о карьерном росте и материальном благополучии. Сам поход был предпринят им с целью прославиться, засветиться в газетах и так быть замеченным первой красавицей курса и руководством института. Ради этой цели Щеглов решил найти на горе Мертвецов йети. Поиск и пленение снежного человека – вот тайная цель похода, который он возглавил.

Концепция романа представляется крайне сомнительной и с этической, и с нарративной точек зрения: добавив сюжет о душители женщин, И. Балтийская, кажется, позаимствовала все другие мотивы из предыдущих версий дятловского сюжета, причем, как представляется, ориентируясь на самые низкие его образцы (отсутствие должной нравственной установки – у А. Кирьяновой, мотив йети – из фильма *Discovery Channel*).

История освоения дятловского сюжета в массовом искусстве заканчивается на данный момент российским телесериалом *Мертвая гора. Инцидент на перевале Дятлова* (в прокате – «Перевал Дятлова», 2020) [Мертвая гора]. Фильм вышел на экраны сразу после того, как генпрокуратура объявила о раскрытии тайны гибели группы Дятлова, связав ее с последствиями схода лавины. О завершении расследования генпрокуратуры на пресс-конференции 11 июля 2020 г. объявил юрист прокуратуры Свердловской области Андрей Курьяков, который в сентябре 2018 г. инициировал проверку материалов следствия по делу о гибели группы. Как выяснилось позже, заявление о том, что версия с лавиной нашла свое полное подтверждение, Курьяков делал без согласования с Генпрокуратурой, за что сначала был привлечен к дисциплинарной ответственности, а в ноябре 2020 г. уволен из ведомства. И именно в ноябре 2020 г. на телеэкран ГНТ вышел фильм «Перевал Дятлова», сценарий к которому написал Илья Куликов. Приступая к съемкам сериала в 2018 г. (как раз тогда, когда Курьяков инициировал новую проверку материалов следствия 1959 г.), его создатели объявили, что экранизируют официальную версию – ту самую, которая к моменту выхода фильма была дискредитирована действиями Курьякова и подвергнута жесткой критике со стороны общественности. В фильме излагается именно эта – еще до выхода фильма скомпрометированная – с сошедшим на палатку снежным пластом.

Реакция на фильм была ожидаемо негативной [Гусельников]. Создателей «Перевала Дятлова» обвинили в отступлении от достоверности, множественных ошибках в изображении похода, быта и мифологии хантов (которые в реальности никогда не жили в окрестностях горы Холатчачль и не поклонялись Сорни-най), а также в осквернении памяти дятловцев. Но еще большее возмущение вызвала разрабатываемая в фильме версия гибели группы – в первую очередь потому, что она была представлена как окончательная и неопровержимая. Фильм и начинается с претензии на документальную достоверность – майор КГБ Олег Костин, засекреченный руководитель

следствия, произносит фразу: «Никто не знает правду, кроме меня». Костин – вымышленная фигура, как и его помощница судмедэксперт Шуманова, которую сценарист вводит в фильм вместо реального патологоанатома Возрожденного – для возможности развернуть любовный сюжет. Заканчивается фильм так же – удовлетворенным сообщением Костина о том, что он уверен в версии с лавиной. На глазах зрителя Костин разоблачает все другие основные версии как несостоятельные (техногенная авария, инопланетное вторжение, убийство туристов хантами, браконьерами, карательным отрядом на службе Ивдельлага и т. д.). Он же называет дятловцев героями, имея в виду их самоотверженность в смертельной ситуации. Эта характеристика становится своего рода эпиграфом к заключительной серии фильма, в которой борьба дятловцев за жизнь изображается в глубоко трагической и остро сочувственной тональности.

Претензия на документальную реконструкцию событий ночи с 1 на 2 февраля 1959 г. сочетается в фильме с мистической составляющей, которая сопутствует всем хронологическим пластам повествования: линии расследования, линии изображения похода, линии изображения событий падения Берлина в апреле-мае 1945 г., в которые включены два героя – майор Костин и Семен Золотарев, в будущем сотрудник КГБ, приставленный к группе туристов «для контроля». Каждый хронологический пласт содержит мистический элемент: манси и ханты предупреждают туристов об опасности похода на Холатчахль; Юдину сняты страшные пророческие сны; Костин оказывается свидетелем экспериментов «Аненербе» над людьми, которые, видимо, преследуют цель создания живых мертвецов; Золотарев получает от члена «Аненербе» волшебный перстень, благодаря которому проходит всю войну без ранений, но становится уязвим и погибает, когда дарит свой перстень беглому заключенному; старый хант через общение с духами узнает военную биографию Костина и обнаруживает преследующего его духа войны Хонт-Турума, которому Костин не всегда способен противостоять. Освобождение Костина от духа-преследователя позволяет ему раскрыть тайну гибели дятловцев и разрешить внутренний конфликт, препятствовавший осуществлению его любовной истории. Здесь разворачивается классическая сюжетная схема испытания – инициации – индивидуации: ужасы войны превратили Костина в зомби, живого мертвеца, который часто действует под влиянием гнева и злобы, а старый хант возвращает его к себе самому.

Сам финал фильма позволяет, помимо версии с лавиной, выбрать и мистическую трактовку гибели группы: маленький сын хантов предупреждает Люду Дубинину об опасности похода на Холатчахль, ссылаясь на неотвратимость мести Сорни-най, после чего тяжело заболевает, понимая, что его болезнь – это божественное наказание. Фильм заканчивается его выздоровлением наутро 2 февраля, что вполне можно прочесть как освобождение от наказания со стороны богини, удовлетворившей жажду мести. Однако, казалось бы предо-

ставленное зрителю право трактовки трагедии оказывается подавлено уверенностью героя-рассказчика в лавинной версии. Мистическая линия выполняет манипулятивную функцию – удержать внимание зрителя, как будто бы не способного внимать трагическому повествованию, не облегченному увлекательным элементом.

Установка на героизацию и документальную достоверность в сериале явно вступает в конфликт с этической неаккуратностью, нарративной непоследовательностью, мистической неоправданностью, фактографическими ошибками и наконец недостаточным уважением к зрителю, которого автор фильма на фоне изображенной трагедии стремится развлечь всеми способами (посредством любовной драмы, военной и этнографической мистики, хитросплетениями сюжета), видимо, не доверяя его этическому чувству.

На данный момент сериалом «Перевал Дятлова» история художественного освоения дятловского сюжета заканчивается, очевидно демонстрируя свою цикличность: искусство начинало разработку дятловского мифа в 60-е гг. XX в. с интенции утешения встревоженного общества и в 20-е гг. XXI в. к ней и вернулось, настаивая на «самой удобной» (Ю. Архипов) версии гибели дятловцев.

Героизирующий советского человека миф, созданный в литературе 1960-х гг., в искусстве XXI в. переживает свое явное расслоение, поддерживая самые разные трактовки события: документально-трагическую, сказочно-дегероизирующую, мистическую, фантастическую, иронически-метарефлективную, наконец, спекулятивно-коммерческую, выдержанную в тональности трэш-фарса. Большинство версий представляют собой реконструкцию контекста советской культуры, за исключением тех, которые отказываются от изображения самого похода, сосредоточивая внимание исключительно на ходе расследования трагедии. В реконструирующих версиях образ времени события представлен неоднородно: дятловцы изображены либо как жертвы эпохи милитаристской гонки, либо как носители воспитанного эпохой сознания. В последнем случае это либо сознание, исповедующее идеалы дружбы и благородства, требующие жертвенной гибели, либо сознание травмированное, неудовлетворенное, исполненное властных и тщеславных претензий.

Разработка дятловского мифа позволяет искусству смоделировать разные грани психологии советского человека. Да и само обращение искусства к дятловскому сюжету представляется способом рефлексии о советской эпохе как времени, вместившем в себя характерные страхи – перед необъяснимыми проявлениями человеческой природы, военно-техническими катастрофами, внешним врагом, внутренними спецслужбами и государством, необъяснимыми тайнами мироздания, непреодолимыми силами природы. Предпринятый очерк позволяет сделать некоторые обобщения относительно функционирования мифа, созданного в советской литературе, и на этой основе – относительно характера восприятия самой советской эпохи в искусстве XXI в.

Список литературы

- Акунин Б. Самая таинственная тайна и другие сюжеты. М. : АСТ, 2014. 288 с.
- Архипов О. Смерть под грифом секретно. Тюмень : Истина, 2012. 288 с.
- Балтийская И. Призрак с горы Мертвецов // ЛитРес : б-ка электрон. и аудиокниг : [сайт]. 2016. 190 с. URL: <https://www.litres.ru/inna-baltiyskaya/prizrak-s-gory-mertvecov/> (дата обращения: 02.03.2022).
- Бейкер А. Перевал Дятлова. Екатеринбург : Гонзо, 2012. 352 с.
- Гагарина Е. Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет : рец. на фильм «Тайна перевала Дятлова» // Контрабанда : электрон. журн. : [сайт]. 2013. 16 мая. URL: <https://web.archive.org/web/20130513152803/http://kbanda.ru/index.php/kino-i-teatr/258-kino-global/kino-rec/3397-zastav-duraka-bogu-molitsya-on-i-lob-rasshibjot-retsenziya-na-film-tajna-perevala-dyatlova> (дата обращения: 21.02.2022).
- Гусельников А. Почему свердловчане смеются над сериалом «Перевал Дятлова» // Ura.ru : информ. аг-во : [сайт]. 2020. 26 нояб. URL: <https://ura.news/articles/1036281512> (дата обращения: 02.03.2022).
- Кирьянова А. Охота Сорни-Най : роман // Урал : лит.-худож. журн. : [сайт]. 2005. № 6, 7, 8. URL: <http://uraljournal.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).
- Куликова И. М. Сюжетообразующие функции мифологемы Золотой Богини в прозе рубежа XX–XXI вв. // Инновационная наука. 2006. № 5. С. 90–94.
- Курочкин Ю. Легенда о золотой Бабе. Пермь : Перм. книж. изд-во, 1963. 160 с.
- Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. «Перевал Дятлова»: структура, динамика и семиотика мифосферы // Вестн. слав. культур. 2021. Т. 60. С. 97–113. DOI 10.37816/2073-9567-2021-60-97-113.
- Мароши В. В. Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе: охота за Сорни-Най // Литература Урала: история и современность : сб. ст. : в 2 т. Вып. 3. Екатеринбург : Союз писателей, 2007. Т. 2. С. 266–278.
- Матвеева А. Перевал Дятлова, или Тайна девяти : повесть // Урал : лит.-худож. журн. : [сайт]. 2000. № 12. 2001. № 1. URL: <http://uraljournal.ru/> (дата обращения: 03.03.2022).
- Мертвая гора. Инцидент на перевале Дятлова (Перевал Дятлова) : [телесериал] / реж. И. Куликов, сценарий И. Куликова, В. Внукова и др. // 1-2-3 production : [сайт]. 2020. URL: <https://1-2-3production.com/project/dead-mountain> (дата обращения: 02.03.2022).
- Перевал Дятлова: гипотеза о йети = Russian Yeti: The Killer Lives : [телефильм] / dir. L. Rawlski // IMDb : [website]. 2014. URL: <https://www.imdb.com/title/tt3781666/> (accessed: 01.03.2022).
- Тайна перевала Дятлова = The Dyatlov Pass Incident : [кинофильм] / реж. Р. Харлин ; сценарий В. Вит // IMDb : [website]. 2013. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1905040/> (дата обращения: 04.03.2022).
- Тайны «Перевала Дятлова» : интервью с Анной Кирьяновой и Анатолием Гушиным // ИТАР-ТАСС Урал : [сайт]. 2004. 22 нояб. URL: <https://web.archive.org/web/20130924064124/http://www.tass-ural.ru/presscentre/74690.html> (дата обращения: 20.01.2015).
- Яровой Ю. Высшей категории сложности. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1966. 157 с.

References

- Akunin, B. (2014). *Samaya tainstvennaya tajna i drugie syuzhety* [The Most Mysterious Secret and Other Plots]. Moscow, AST. 288 p.
- Arkhypov, O. (2012). *Smert' pod grifom sekretno* [Classified Death]. Tyumen', Istina. 288 p.
- Baltiyskaya, I. (2016). Prizrak s gory Mertvetsov [Ghost from the Mountain of the Dead]. In *LitRes. Biblioteka elektronnykh i audioknig* [website]. 190 p. URL: <https://www.litres.ru/inna-baltiyskaya/prizrak-s-gory-mertvecov/> (accessed: 02.03.2022).

- Beiker, A. (2012). *Pereval Dyatlova* [Dyatlov Pass]. Yekaterinburg, Gonzo. 352 p.
- Gagarina, E. (2013). Zastav' duraka Bogu molit'sya, on i lob rasshibet. Retsenziya na fil'm "Taina perevala Dyatlova" [Make a Fool Pray to God, and He Will Hurt His Forehead. Rev. of *The Mystery of the Dyatlov Pass* Film]. In *Kontrabanda. Elektronnyi zhurnal* [website]. 16 May. URL: <https://web.archive.org/web/20130513152803/http://kbanda.ru/index.php/kino-i-teatr/258-kino-global/kino-rec/3397-zastav-duraka-bogu-molitsya-on-i-lob-rasshibet-retsenziya-na-film-tajna-perevala-dyatlova> (accessed: 21.02.2022).
- Gusel'nikov, A. (2020). Pochemu sverdlovchane smeyutsya nad serialom "Pereval Dyatlova" [Why Sverdlovsk Residents Laugh at the *Dyatlov Pass* TV Series]. In *Ura.ru. Informatsionnoe agentstvo* [website]. 26 November. URL: <https://ura.news/articles/1036281512> (accessed: 02.03.2022).
- Harlin, R., Vit, V. (2013). Taina perevala Dyatlova [The Dyatlov Pass Incident]. In *IMDb* [website]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1905040/> (accessed: 04.03.2022).
- Kir'yanova, A. (2005). Okhota Sorni-Nai. Roman [The Golden Hag's Hunt. A Novel]. In *Ural*. No. 6, 7, 8. URL: <http://uraljournal.ru/> (accessed: 01.03.2022).
- Kulikov, I., Vnukov, V. et al. (2020). Mertvaya gora. Intsident na perevale Dyatlova (Pereval Dyatlova). Teleserial [The Dead Mountain. Incident at the Dyatlov Pass (Dyatlov Pass). TV Series]. In *1-2-3 Production* [website]. URL: <https://1-2-3production.com/project/dead-mountain> (accessed: 02.03.2022).
- Kulikova, I. M. (2006). Syuzhetoobrazuyushchie funktsii mifologemiy Zolotoi Bogini v proze rubezha XX–XXI vv. [Plot-Forming Functions of the Golden Goddess Mythologeme in Prose at the Turn of the 21st Century]. In *Innovatsionnaya nauka*. No. 5, pp. 90–94.
- Kurochkin, Yu. (1963). *Legenda o zolotoi Babe* [The Legend of the Golden Hag]. Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p.
- Lebedev, V. Yu., Prilutskii, A. M. (2021). "Pereval Dyatlova": struktura, dinamika, i semiotika mifosfery [The "Dyatlov Pass": The Structure, Dynamics, and Semiotics of Mythosphere]. In *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. Vol. 60, pp. 97–113. DOI 10.37816/2073-9567-2021-60-97-113.
- Maroshi, V. V. (2007). Ispol'zovanie mifopoeticheskogo resursa v sovremennoi regional'noi proze: okhota za Sorni-Nai [The Use of the Mythopoetic Resource in Modern Regional Prose: The Hunt for Sorni-Nai]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost' v 2 t. Sbornik statei. Vyp. 3*. Yekaterinburg, Soyuz pisatelei. Vol. 2, pp. 266–278.
- Matveeva, A. (2000). Pereval Dyatlova, ili Taina devyati. Povest' [Dyatlov Pass, or the Secret of the Nine. A Story]. In *Ural*. No. 12. (2001). No. 1. URL: <http://uraljournal.ru/> (accessed: 03.03.2022).
- Rawlski, L. (Dir.). (2014). Pereval Dyatlova: gipoteza o ieti [Russian Yeti: The Killer Lives]. In *IMDb* [website]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt3781666/> (accessed: 01.03.2022).
- Tainy "Perevala Dyatlova". Interv'yu s Annoi Kir'yanovoi i Anatoliiem Gushchinym [Secrets of the Dyatlov Pass. Interview with Anna Kiryanova and Anatoly Gushchin]. (2004). In *ITAR-TASS Ural* [website]. November 22. URL: <https://web.archive.org/web/20130924064124/http://www.tass-ural.ru/presscentre/74690.html> (accessed: 20.01.2015).
- Yarovoi, Yu. (1966). *Vysshhei kategorii slozhnosti* [The Highest Category of Complexity]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 157 p.

The article was submitted on 12.01.2022